

Глава V.
ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
КОНЦЕПЦИИ А.В. ЧАЯНОВА
(Глава написана А.Г. Злотниковым)

Имя А.В. Чаянова возвратилось из забвения в современную жизнь, вместе с тем его наследие, к сожалению, и сегодня не всеми полностью понято и принято. Достаточно сказать, что в учебниках по различным дисциплинам, которыми пользуются студенты в сельскохозяйственных и кооперативных вузах, встречаются противоречивые оценки. В учебниках по истории и теории кооперации [2, 3, с. 17-35], экономической социологии [4, с. 57-60], статистики, истории экономики и экономической мысли [5, с. 347-353; 6, с. 315-318; 7, с. 148-149] имя и наследие А.В. Чаянова предстает очищенным, в них отражен его приоритет по многим научным направлениям. Однако в учебных пособиях по истории бухгалтерского учета встречается несколько нестыкующихся между собой оценок А.В. Чаянова. В одном указывается на его враждебное отношение к двойной бухгалтерии [8, с. 275], а в другом – отмечаются заслуги А.В. Чаянова в распространении методологии двойной бухгалтерии [8, с. 150-151], при этом здесь его именуют земским статистиком.

Историческая справедливость требует обращения к исследованию его научного творчества и общественной деятельности, чтобы объективно оценить многогранный научный и организаторский талант А.В. Чаянова.

А.В. Чаянов еще перед политическим переворотом Октября 1917 года был назначен товарищем (заместителем) министра земледелия в последнем составе Временного правительства России, наряду с Н.Д. Кондратьевым, который стал товарищем министра продовольствия, и П.А. Сорокиным, ставшим личным секретарем премьер-министра в этом последнем составе министров Временного правительства России. В этой должности А.В. Чаянов не пробыл даже и двух недель, так как Временное правительство было свергнуто в октябре.

В ноябре 1917 г. А.В. Чаянов стал членом Главного земельного комитета и принимал участие в работе межпартийной Лиги аграрных реформ, созданной для обсуждения аграрных вопросов. Лига состояла из представителей Земского союза, Вольного экономического общества и других организаций различного политического направления, включая марксистов и правых эсеров. К работе в ней привлекались выдающиеся ученые, экономисты-аграрники Н.Д. Кондратьев, А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров, А.А. Рыбников и др. В серии изданий этой межпартийной организации в 1917 году вышло несколько публикаций А.В. Чаянова, таких как: «Третий Всероссийский съезд Лиги аграрных реформ», «Съезд Лиги аграрных реформ», «Доклад на Чрезвычайном всероссийском кооперативном съезде», «Статистический справочник по аграрному вопросу» и др.

В 1918 году, учитывая большой опыт организаторской работы А.В. Чаянова в льноводческом кооперативном движении и научные публикации по развитию льноводства (этой проблеме им было посвящено около двух десятков публикаций), он был избран Председателем правления Центрального товарищества льноводов. В декабре 1918 г. А.В. Чаянов на учредительном собрании Всероссийского закупочного движения Союза сельскохозяйственной кооперации (Сельскосоюза), наряду с Н.Д. Кондратьевым, С.Л. Масловым, Н.П. Макаровым, И.В. Мозжухиным, А.Н. Мининым, был введен в его главный рабочий орган – Совет объединенной сельскохозяйственной кооперации (Сельскосовет) с правом решающего голоса. Деятельность Сельскосовета была сосредоточена на разработке экономических проблем, представлявших интерес в связи с развитием кооперации, а также на просветительской и пропагандистской деятельности. По решению первого очередного Всероссийского кооперативного съезда (февраль 1918 года) А.В. Чаянов возглавил организацию кооперативного образования. Таким образом, он стоял у истоков создаваемого с его участием Кооперативного института, где и преподавал. (в настоящее время это известный Российский университет кооперации).

С 1919 года А.В. Чаянов сосредоточивает свою работу в Народном комиссариате земледелия, где был создан кооперативный комитет. А весной 1921 г. участвует в организации перехода к нэпу, разработав «Основные принципы построения продналога», в основу которого были положены интересы крестьянства.

С идеей кооперации в начале XX века почти всеми экономистами связывался прогресс в сельском хозяйстве страны. И не было в России такого экономиста, который не работал бы с увлечением над проблемами кооперации. Этому вопросу посвящались научные монографии, выходили периодические издания, на страницах которых освещалось состояние кооперативного движения, в университетах, и, прежде всего, в Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского читались циклы лекций о кооперации. Взгляды А.В. Чаянова сформировались в немалой степени под влиянием публикаций М.И. Туган-Барановского, обобщившего мировой опыт кооперативного движения и видевшего перспективность кооперации в российской действительности (кн. «Социальные основы кооперации»). Свой первый цикл лекций по кооперации А.В. Чаянов прочитал в 1913 г. на старообрядческих сельскохозяйственных курсах в Москве. А уже в 1915 году выходит небольшой 70-страничный «Краткий курс кооперации» А.В. Чаянова, позднее неоднократно дополняемый и переиздаваемый.

Деятельность А.В. Чаянова в области кооперации была связана как с решением вопросов организационно-производственного характера, так и с анализом научных экономических проблем, возникавших в ходе кооперативного строительства. Так как сельскохозяйственная кооперация, все ее формы и виды деятельности были тесно связаны с рынком, обеспечением населения России продовольствием и вне этой связи не мыслилась, то их анализ стал одним из важнейших направлений его научной деятельности. Результаты научных исканий А.В. Чаянова в этой сфере нашли отражение в его работах: «Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации» (1919 г.),

«Организация кооперативного сбыта» (1922 г.), «Очерки по экономике трудового сельского хозяйства» (1922 г.), «Организация крестьянского хозяйства» (1925 г.).

Интерес к крестьянской кооперации в науке не ослабевал, если в СССР она все больше теряла черты демократического управления и приобретала формальный характер, то за рубежом, где знали труды Чаянова, в 1960-1980-е годы прошлого века были изданы фундаментальные труды «Теория крестьянской экономики»: The theory of peasant economy / Ed. by D. Thoener. Nomewood, 1966. XXV. 317 p., а также A.V. Chayanov. The theory of peasant economy / Ed. by D. Thoener, B. Kerblay, R.E.F. Smith / With a Foreword by T. Shanin ... Madison, Wisconsin: The Univ. of Wisconsin Press. 1986. 316 p. и то же: Manchester: Manchester Univ. Press. 1987. 305 p.

Главным направлением в научном анализе кооперативного движения А.В. Чаянова было рассмотрение в нем роли и значения семейного трудового крестьянского хозяйства, которое противопоставлялось капиталистическому предпринимательству, основанному на наемной рабочей силе. Концепция семейного трудового крестьянского хозяйства являлась центральной частью более широкой научной проблемы – теории организации крестьянского хозяйства. В анализе семейного трудового крестьянского хозяйства А.В.Чаянов выявил, во-первых, трудовой потенциал крестьянской семьи и, во-вторых, волновой характер процесса ее роста и распада. В деятельности семейного трудового крестьянского хозяйства он обнаружил зародыш того, что позже (в 1970-е годы) будет названо коллективным хозяйством. Пользуясь социологической методологией анализа индустриального развития М. Вебера, А.В. Чаянов определил место семейного трудового крестьянского хозяйства в народно-хозяйственной системе и выявил механизм соединения интересов массы семейных трудовых крестьянских хозяйств, - постепенная добровольная кооперативная коллективизация, стимулируемая государством. В этой связи он писал: *«Кооперация, управляемая в самых мельчайших своих органах выборны-*

ми лицами трудящихся, под ежедневным неусыпным контролем, избравших их членов кооператива, несвязанная административными распоряжениями центра, гибкая в хозяйственной работе, допускающая наиболее быстрое и свободное проявление выгодной местной инициативы – является наилучшим аппаратом там, где требуется организованная местная самодеятельность, где в каждом отдельном случае надо гибко приспособляться к местным условиям, учитывать мельчайшие особенности каждого местечка и каждого месяца работы» [9, с. 12].

Кооперация, по мнению А.В. Чаянова, является особой формой социального движения, и, исходя из этого, «...характерной чертой кооперативного предприятия является то, что оно никогда не может являться самодовлеющим предприятием, имеющим собственные интересы, лежащие вне интересов создавших его членов: это предприятие, обслуживающее своих клиентов, которые являются его хозяевами и строят его управление так, чтобы оно было непосредственно ответственно перед ними и только перед ними» [6, с. 260; 10]. На основе этого положения он выдвигал новую идею о функционировании сельскохозяйственных кооперативов как местных агрокомбинатов. В современном звучании это была идея об аграрно-промышленной интеграции.

Учение о кооперировании трудового крестьянства было центральным на протяжении всей научной деятельности А.В. Чаянова. Его кооперативные идеи носят ярко выраженный конкретный социологический характер. Ставя в центр своего научного анализа семейное трудовое крестьянское хозяйство, т.е. семью, его взгляды одновременно дают яркий пример демографического подхода, т.е. выявление связи определенной формы социально-трудовых отношений с функционированием и развитием семейно-бытовых отношений [11, с. 157-159].

По своей сути учение о кооперации А.В. Чаянова имеет социологическую и философскую классификацию, особенно в раскрытии вопроса о социальном расслоении в среде крестьян-

ства. В противовес официальной политической классификации крестьянства «кулак – середняк – бедняк», отстаиваемой аграрниками-марксистами, он обосновал свою экономико-социологическую классификацию крестьянских хозяйств: 1) капиталистические, 2) полутрудовые, 3) зажиточные семейно-трудовые, 4) бедняцкие семейно-трудовые, 5) полупролетарские и 6) пролетарские [12, с. 246, 325-332]. Крайние фланги в его классификации *«характерны тем, что непосредственный признак социально-классового расслоения – наем и продажа рабочей силы – здесь выступает наиболее ярко»* [12, с. 332; выделено А. Чаяновым]. В этой связи им выдвигалась следующая идея кооперирования крестьянства: кооперирование полутрудовых, зажиточных и бедняцких семейно-трудовых, а также полупролетарских типов хозяйств с последующим вытеснением капиталистических (кулацких) и постепенным вовлечением сельского пролетариата в семейно-трудовое хозяйствование через систему кооперативного кредита.

Анализируя изменения в крестьянстве в связи с коллективизацией, А.В. Чаянов показывал, что указанная дифференциация сельского крестьянства отражает не социально-классовый процесс расслоения, а отщепление от основного массива семейно-трудовых хозяйств, фермерских, кредитно-ростовщических, промысловых и вспомогательных предприятий села [12, с. 266]. Важными факторами такой дифференциации, по мнению ученого, является дисгармония, с одной стороны, натуральных хозяйств наиболее плодородных регионов центрально-черноземной части России и, с другой – простых товарных хозяйств вокруг крупных и портовых городов. *«Наиболее высокие изоцены хлебов у нас тяготеют к портам Балтийского и Черного морей, к Московскому промышленному району и к зонам неземледельческих областей (Туркестан и Крайний Север). Полоса наиболее низких цен идет по центрально-земледельческим районам и равнинам Сибири»* [11, с. 147]. И далее он отмечал: *«Преобразование натуральных в товарные хозяйства выявляло аграрную перенаселенность, порождаю-*

щую рост миграционного движения сельских жителей регионов с преобладанием натуральных хозяйств» [11, с. 146].

Таким образом, в концепции аграрной кооперации А.В. Чаянова воедино слиты теоретические экономические, конкретные социологические и демографические аспекты, но они не совпадали с официально признанными подходами, что послужило травле его научных идей и репрессий.

А.В.Чаянов, как человек широкой эрудиции и открытого интеллекта к мировой науке, в теории кооперации использовал концепции вертикальной кооперации и дифференциальных оптимумов. Это характеризовало ученого как знатока европейской научной мысли. В первую очередь, сказалось влияние теории «штандарта» А. Вебера – об оптимальном, выгодном и целесообразном размещении промышленности, а также концепции немецкого экономиста-аграрника И.Г. Тюнена – о зависимости сельского хозяйства от рынка, характеризуемой расстоянием между расположением земельных участков от рынка сбыта, и влиянии этих факторов на доходность сельскохозяйственного производства [1, с. 115-116]. Позже его «приверженность» теориям М. Вебера, А. Вебера и И.Г. Тюнена была истолкована как враждебная попытка увести наше сельское хозяйство на гибельный путь реставрации капитализма.

Принцип дифференциальных оптимумов это, во-первых, вопрос оптимальных размеров тех или иных конкретных предприятий и, во-вторых, вопрос об оптимуме различных отраслей сельского хозяйства. Сформулировав принцип дифференциальных оптимумов, ученый обосновал положение о том, что в различных подотраслях сельского хозяйства и в разных регионах могут быть свои оптимальные размеры земледельческих хозяйств. Общим критерием для всех оптимумов, по мнению А.В. Чаянова, является достижение наименьшей себестоимости по каждому виду производимой продукции. Он выдвинул весьма простую методику определения оптимальных размеров предприятия. В земледелии все элементы себестоимости подразделялись им на три группы:

- уменьшающиеся при укрупнении хозяйств (административные расходы, издержки по использованию машин, оборудования, построек);
- увеличивающиеся при укрупнении хозяйств (транспортные расходы, потери, связанные с ухудшением надзора за качеством труда);
- независимые от размера хозяйства (стоимость семян, удобрений, погрузочно-разгрузочные работы и т.д.).

Задача нахождения оптимума А.В. Чаяновым сводилась к нахождению точки, в которой сумма всех трех видов издержек на единицу продукции будет минимальной. При этом следовало учитывать природно-климатические, географические условия, характер биологических процессов и других особенностей с учетом регионального фактора [11, с. 146-149].

Вплоть до середины 1920-х годов концепция дифференциальных оптимумов использовалась им для обоснования идеи «вертикальной кооперации»: одновременного существования всех видов кооперативов – кредитных, закупочных, перерабатывающих и др. И только при таком условии, по мнению А.В. Чаянова, было возможно успешное функционирование кооперации как системы. В 1928 г. от идеи «вертикальной кооперации» он переходит к изучению вопросов организации крупных сельскохозяйственных предприятий – совхозов, что означало вынужденный компромисс с политикой, которая в это время стала ориентироваться на горизонтальную кооперацию путем коллективизации.

Гениальная идея А.В. Чаянова о «вертикальной кооперации» с помощью И.В. Емельянова пересекла Атлантический океан и была успешно внедрена в практику сельскохозяйственной кооперации США и Канады и лишь затем вернулась в Европу во второй половине XX века.

Вертикальная концентрация сельскохозяйственного производства в кооперативных формах в начале XX века только пробивала свои ростки, кооперированию подвергались лишь отдельные виды сельскохозяйственной деятельности (сбыт,

снабжение, хранение, транспортировка, переработка) [9]. Значение А.В. Чаянова в формулировании этой идеи заключается в том, что он своим интеллектом уловил эту прогрессивную тенденцию и доказал преимущество ее для эффективного развития сельского хозяйства. Кооператив вертикального типа, по Чаянову, это крупное кооперативное хозяйство, основанное на объединении индивидуальных крестьянских хозяйств с целью организации производственной и иной деятельности на вертикальной основе. В работе *«Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации»*, написанной еще в 1919 г., А.В. Чаянов делал вывод: *«Внимательно продумав все то глубочайшее значение, которое описанный нами процесс вертикальной концентрации в ее кооперативных формах имеет для сельского хозяйства, мы с полным убеждением можем считать, что появление земледельческой кооперации с народно-хозяйственной точки зрения имеет не меньшее значение, чем то, которое имело столетием ранее появление промышленного капитализма»* [10]. В духе теории организационно-производственной школы вертикальную кооперацию А.В. Чаянов сформулировал следующим образом: *«Кооперация крестьянская представляет собой весьма совершенный организованный вариант крестьянского хозяйства, позволяющий мелкому трудовому хозяйству, не разрушая своей индивидуальности, выделить из своего организационного плана те его элементы, в которых крупная форма производства имеет несомненные преимущества над мелкой, и организовать их совместно с соседями на ступень этой крупной формы производства, часто используя наемный труд»* [10].

Научная деятельность А.В.Чаянова органично сочеталась с преподавательской и организаторской работой в области научных исследований. В 1918 году он уже признанный профессор, возглавлявший кафедру организации сельского хозяйства. Одновременно он читал лекции по истории и топографии Москвы в Народном университете им. Л.А. Шанявского, в МГУ

и по проблемам кооперации в Московском кооперативном институте.

В 1918 году при сельскохозяйственном институте под руководством А.В.Чаянова был организован Высший семинарий сельскохозяйственной экономики и политики, на базе которого в 1922 г. был создан первый в стране научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономики и политики (НИИСХЭ). Позднее НИИСХЭ в 1929 году был преобразован в ВАСХНИЛ – Всесоюзную академию сельского хозяйства имени В.И. Ленина (в настоящее время Российская академия сельскохозяйственных наук). Директором НИИСХЭ был назначен А.В. Чаянов, собравший вокруг себя весь цвет русской экономической мысли начала 20-х годов. В качестве структурных подразделений в НИИСХЭ были сформированы ряд лабораторий, как то: сельскохозяйственной конъюнктуры, которую возглавил Н.Д. Кондратьев (1892-1938 гг.), сельскохозяйственной географии – А.А Рыбников (1877 – между 1939-1941 гг.), экономического учета – А.Н. Минин (1881-1943 гг.), истории народного хозяйства – П.П. Маслов (1902-1978 гг.), статистики – А.Ф. Фортунатов (1856-1925 гг.), организации сельскохозяйственного капитала – Г.А. Студенский (1898–1930 гг.). Сам А.В. Чаянов руководил лабораторией организации сельского хозяйства и таксации. В разные годы в коллективе НИИСХЭ работали академик В.Р. Вильямс (1863–1939 гг.), известный экономист Н.Н. Суханов-Гиммер (1882–1940 гг.), профессор А.Г. Дояренко (1874-1950 гг.), политэконом, профессор В.Я. Железнов (1869–1933 гг.), директор Аграрного института Комакадемии Л.Н. Крицман (1890–1938 гг.), видный государственный деятель Н. Осинский (1887–1938 гг.), известный земский статистик Г.И. Баскин (1866–1937 гг.), вернувшийся в 1925 г. из Чехословакии работать с Чаяновым его учитель, профессор А.Н. Челинцев (1874–1962 гг.), профессор Н.П. Макаров (1887–1980 гг.) статистик А.Л. Вайнштейн (1892–1970 гг.) и др. Все они были в самом расцвете своих творческих сил.

Одной из задач НИИСХЭ являлась разработка методических проблем, в т.ч. **методов исследования крестьянского хозяйства**. На основе обобщения работ этого института А.В. Чаяновым в 1929 году были изданы *«Бюджетные исследования. История и методы»* [12]. Она обобщала опыт социальных исследований вообще и бюджетных, в частности. Прежде всего, эта работа связана с основным объектом его исследований – семейным крестьянским хозяйством. Идея оценки эффективности крестьянского хозяйства, заложенная в бюджетных исследованиях, привела А.В. Чаянова к развитию двух очень существенных теорий – таксации и счетоводства. Как сторонник идей маржинализма он придерживался оценки эффективности по предельной единице продукта, приводящей к оптимизации соотношения затрат и результатов хозяйственной деятельности, – подхода, ставшего достоянием современной экономической науки.

В этой связи следует вернуться к двойственной, а значит и ошибочной оценке позиции А.В. Чаянова в его отношении к проблемам бухгалтерского учета (счетоводства). В работе В.Я. Соколова *«Очерки по истории бухгалтерского учета»* (учебное пособие), в пятом очерке «Двойная запись в сельскохозяйственном учете России» утверждается: *«...двойная запись в учете сельского хозяйства России с начала XX в. начинает получать распространение. Этому в значительной части способствуют бюджетные исследования земских статистиков (Н.И. Костров, А.Н. Челинцев, А.В. Чаянов, Г.А. Студенский, А.В. Пешехонов и др.). Они использовали методологию двойной бухгалтерии для текущего наблюдения хозяйственной деятельности крестьянской семьи, и тем самым принципы учета стали позволять оценивать эффективность хозяйственной деятельности этих семей. При этом в сельском хозяйстве как нигде были видны условности и недостатки двойной бухгалтерии»* [8, с. 150-151].

Это реальная и объективная оценка научных исканий в области бухгалтерского учета России того периода, это и оцен-

ка вклада А.В. Чайнова в этой сфере, которого в период подготовки этой книги к изданию уже полностью реабилитировали. Но вместе с тем в этой его оценке допущена и ошибка. А.В. Чайнов, наряду с Н.И. Костровым, А.Н. Челинцевым и Г.А. Студенским, названы «земскими статистиками», которыми они никогда не были (за исключением А.В. Пешехонова), хотя и были выдающимися специалистами в области статистики. Но это не столь существенно по сравнению с девятым очерком в пособии «Бухгалтерский учет в СССР», где в отношении А.В. Чайнова дана характеристика как враждебно относившегося к бухгалтерскому учету [8, с. 275]. Этот не основывающийся ни на чем вывод свидетельствует о существенном незнании личности А.В. Чайнова, а значит и его многоаспектных и разнообразных взглядов.

Анализируя эти разночтения, необходимо сначала обратить внимание на эпоху, в которой проявились такие оценки. Книга В.Я. Соколова «Очерки по истории бухгалтерского учета» была издана в 1991 г., когда в стране произошли существенные изменения, начался активный переход от административно-командной к рыночной экономике. И первое, что видно при анализе двух очерков: пятый очерк посвящен проблемам развития бухгалтерского учета в предреволюционной России, а девятый – в СССР, и прежде всего в послереволюционный период. Общественное мнение того периода состояло в положительном освещении того, что было в дореволюционный период, и критике социалистических отношений. Естественно, на этой позитивной волне, а, тем более, что имя А.В. Чайнова во второй раз было реабилитировано, о нем много писали и говорили, посвящались научные конференции, иной оценки взглядов А.В. Чайнова в дореволюционный период не могло и быть. В 1987 г. была дана полная и окончательная, уже вторая реабилитация А.В. Чайнова, а в 1988 г. столетие со дня рождения А.В. Чайнова было отмечено как важнейшее событие в истории русской и мировой науки – ВАСХНИЛ провела всесоюзную научно-

теоретическую конференцию «*Научное наследие А.В. Чаянова и современность*».

Говоря о второй оценке и о таких расхождениях, следует вспомнить, что цитируемые «Очерки по истории бухгалтерского учета» В.Я. Соколова в 1991 г. вышли вторым дополненным изданием, которое, как указано в аннотации, «ликвидирует многие белые пятна в истории учета». В первом издании учебного пособия «*Истории бухгалтерского учета*» (1985 г.), когда идеи А.В. Чаянова, несмотря на реабилитацию ученого в 1962 г., в научном плане по-прежнему считались враждебными (его работы, по сути дела, в СССР оставались под запретом), имя А.В. Чаянова вообще не упоминалось [13]. В этом первом издании те места, которые во втором уже оказались «дополненными» в отношении А.В. Чаянова, выглядели следующим образом: «*Энергетическое* направление было представлено М.Н. Смит и С.А. Клепиковым, которые полагали, что в основу единого измерителя должны быть положены затраты условной, приведенной единицы энергии («эрг»). Представители «*предметного*» направления считали необходимым применение условной единицы, отражающей величину воплощенных в предмете количества сырья и орудий производства. Все «романтики» в своих проектах или вообще не касались вопросов бухгалтерского учета, или относились крайне враждебно к нему» [9, с. 262-263].

Следует, прежде всего, отметить, что эта глава первого издания, касавшаяся развития бухгалтерского учета в первые годы советской власти, вообще носила конъюнктурный характер, приписывала на десятках страниц все заслуги в его развитии В.И. Ленину, заложившему «фундамент комплексного анализа» [13, с. 258]. Эта конъюнктура автором была повторена и в новом, втором издании, но только здесь получилось все с обратным знаком. В новом издании уже отсутствовали дифирамбы в адрес В.И. Ленина, а только сделан вывод «уже в 1921 г. В.И. Ленин признал, что партией была допущена роковая ошибка» [13, с. 271]. И весь дальнейший анализ этих очерков пронизан тем духом, который действительно научным изданиям

не присущ. Действительно научный анализ состоит в анализе аргументации позиций того или иного ученого, а не навешивании политических ярлыков, что присуще как первому, так и второму изданию: «враждебно», «ненависть», «прозелиты», «адепты» и другие оценки.

Та часть из первого издания, которая была приведена выше, во втором издании трансформировалась в такую оценку: «Энергетическое и предметное направления не получили и не могли получить распространения. Среди его представителей отметим М.Н. Смит и С.А. Клепикова, которые полагали, что в основу единого измерителя должны быть положены затраты условной, приведенной единицы энергии («эрг»), а также А.В. Чаянова, считавшего, что должна быть применена условная единица, отражающая величину воплощенных в предмете количества сырья и орудий производства. Все романтики в своих проектах или вообще не касались вопросов бухгалтерского учета, или относились к нему крайне враждебно. Так, А.В. Чаянов из непригодности денежного измерителя делал вывод о непригодности двойной (диаграфической) бухгалтерии для хозяйства вообще» [8, с. 275].

Прервем цитирование и отметим несколько обстоятельств. В отечественном учебном пособии *«История экономических учений»* под редакцией Г.А. Шмарловской говорится, что М.Н. Смит и С.А. Клепиков предложили «энеды» (энергетические единицы) [6, с. 314], а не «эрги», как указывает В.Я. Соколов, а значит, к А.В. Чаянову они не имеют никакого отношения. Далее, мы не знаем – был ли в этом аспекте А.В. Чаянов романтиком или нет, но отметим, что А.В. Чаянов никогда не отрицал денежных отношений и денежных измерителей. Просто в период «военного коммунизма» в аграрном секторе экономики денежные отношения в системе «государство – товаропроизводители» почти отсутствовали – в стране господствовала продразверстка. Именно поэтому А.В. Чаянов, отражая интересы крестьянства, отрицательно относился к продразверстке, разработав основные принципы продналога, что способствова-

ло переходу от политики военного коммунизма к новой экономической политике. И самое главное, в период военного коммунизма идея двойной бухгалтерии, как писал А.В. Чаянов: «В высшей степени заманчивая и, по сути дела, совершенно правильная для хозяйства, близкого к монотоварному типу, к сожжению, оказалась для нас неосуществимой практически» [11, с. 166]. Но, тем не менее, А.В. Чаянов отмечал, что он занялся «исключительно только более условным, но зато и более обеспеченным методом исчисления себестоимости путем выделения и обработки счета производства сахарной свеклы в главной книге двойной итальянской бухгалтерии» [11, с. 166-167; выделено самим Чаяновым].

Но вернемся к аргументации автора «Очерков по истории бухгалтерского учета», где делается ссылка на якобы враждебное отношение к бухгалтерскому учету А.В. Чаянова, и которая вбивается нашим бухгалтерам: «при ближайшем рассмотрении оказывается, что все великолепие бухгалтерских систем капиталистического хозяйства, построенных на принципах учета частной, капиталистической выгоды, нам при построении социалистического хозяйства также не пригодно, как не пригоден дредноут для военных операций в Курской губернии» [8, с. 275]. Только зацикленный человек не понимает тонкого юмора и критики, а может быть – и издевательства автора этого замечательного сравнения, который был не только ученым, знатоком и пропагандистом передовых научных идей и методов, но и писателем, поэтом, тонким ценителем культуры и архитектуры, глубоким знатоком истории и прочее, автором сценариев ряда кинофильмов (о чем будет речь в следующей главе). Здесь, во-первых, А.В. Чаяновым дается позитивная оценка имеющейся за рубежом системы бухгалтерского учета – «все великолепие бухгалтерских систем капиталистического хозяйства», но не их отрицание. Во-вторых, здесь А.В. Чаяновым констатируется факт существенных различий условий, где это «великолепие» применимо для условий, которые характеризовали состояние экономики России того времени. При этом

автор не говорит о превосходстве условий современной ему России, а наоборот, подчеркивает историческую отсталость этой России, отсутствие благоприятных условий для передовых бухгалтерских технологий: «как не пригоден дредноут для военных операций в Курской области». Действительно, для военных действий линейных кораблей, типа дредноут с его мощными броней и башенными орудиями, необходимы не ручки курщины, а морской простор. А это нисколько не «враждебное отношение», это восхищение (и белая зависть). Но этот тонкий юмор не могут понять, к сожалению, и наши современники.

В системе экономических построений А.В. Чайнова счетоводство (бухгалтерский учет) занимает существенное место. Он один из немногих понял возможности исчисления эффективности крестьянского хозяйства с помощью двойной бухгалтерии, значимость которой он вынес из своей аспирантской командировки в Италию. При этом для Чайнова, как и для других представителей организационно-производственной школы, методы двойной бухгалтерии, или двойного счетоводства, важны в первую очередь не как средство учета, а как способ выявления хозяйственных результатов работы крестьянского хозяйства. Таким образом, двойная запись для него не является первичной, она не имманентна самим хозяйственным операциям, а привносится в них на стадии анализа хозяйственной деятельности [12, с. 208-247]. Он не отрицает работу бухгалтерского работника, а стоит на позиции разделения труда. Для него как ученого, организатора и управленца производственного процесса бухгалтерия и статистика, крупнейшим знатоком которых он являлся, играют важнейшую аналитическую роль. Ее он сформулировал следующим образом: *«рассмотрение их развития наглядно показало нам, как от общих описаний исследователи бюджетов перешли к исследованию взаимностей и разработки на бюджетных данных ряда чисто теоретических проблем, все более и более сужая и обостряя установку своей работы. Бюджетник-статистик все более и более вытесняется в нашей работе экономистом и аграрником-организатором»*

[12, с. 337]. И этот подход в целом отвечает духу его организационно-производственной школы.

В «Бюджетных исследованиях» он резюмирует: *«Организация хозяйства должна строиться в расчете не на рентабельность отдельных отраслей, а на общий результат всего сельскохозяйственного производства. Конечной целью при этом всегда является достижение наилучшего взаимоотношения всех затрат и отраслей хозяйства. ... Никакая система счетоводства сама по себе не гарантирует успеха в хозяйственной практике. Для последнего решающим является точное знание всех самых конкретных условий хозяйства и искусство его организации, а эти свойства не могут быть почерпнуты из бухгалтерии. Счетоводство только выясняет результат хозяйства, создается же он в поле, на скотном дворе и на рынке. Нельзя, однако, сказать, что двойное счетоводство совершенно бесполезно для сельского хозяйства; следует лишь признать в силу всех вышеуказанных его особенностей, что организационно-хозяйственные выводы из двойного сельскохозяйственного счетоводства должны делаться с сугубой осторожностью. Наивно-реалистическое истолкование результатов счетоводческого анализа является недопустимым. Но в умелых руках этот анализ открывает многое, что остается скрытым при суммарном обозрении хозяйственного результата. ... Но двойное счетоводство существенно облегчает задачу не только для начинающего, но и для опытного организатора»* [12, с. 230].

Интересно в этой связи и его различие между «мастерами подлежащего» и «мастерами сказуемого» [12, с. 296, 310]. Это отражает различие между двумя направлениями в статистической обработке данных: «мастерами сказуемого» он называл тех, кто стремился как можно полнее описать выделенные группы, «материалами подлежащего» – тех, кто концентрировал свое внимание на более гибком и тонком выделении типов, анализе связей между ними. Для первых главное – система показателей, для вторых (в том числе и для него) – комбинационная группировка, т.е. многомерная классификация. В методоло-

гическом плане это созвучно сравнению Гете: *«Числа не управляют миром, но показывают, как управляют миром»*.

Этим самым выражено отношение ученого к счетоводству и статистике, которые, по его мнению, нужны не ради счетоводства и статистики, а как основа решения хозяйственных проблем в конкретной исторической обстановке, ибо «экономическая политика есть, прежде всего, искусство осуществления, а не искусство строить планы», и «всякое хозяйственное явление всегда следует рассматривать эволюционно и по возможности более глубоко [7, с. 248].

Такое замечание отражает значение и определенную программную роль в изучении подобных учебных дисциплин, преподавание которых в вузах должно учитывать специфику будущей профессиональной деятельности: для одних специальностей (непрофильных по учебной дисциплине) их изложение должно помогать умению аналитической и управленческой деятельности, а для других (профильных по данной дисциплине) – это инструмент фиксации явлений социальной и хозяйственной деятельности.

Говоря о роли А.В. Чаянова в развитии экономической науки, отметим, что его имя включено в справочник «История экономической мысли России в лицах», где названы наиболее выдающиеся экономисты России за последние пять столетий. А таких лиц в справочнике – не менее 60 человек. И что характерно, этот словарь-справочник издан Финансовой академией при Правительстве Российской Федерации как учебное пособие для студентов по специальностям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Мировая экономика» и «Налоги и налогообложение» [5], что в контексте рассматриваемых отношений А.В. Чаянова к бухгалтерскому учету весьма знаменательно.

В следующей главе читатель познакомится с литературным наследием А.В. Чаянова. Но здесь мы отметим и социологическую составляющую этого литературного наследия. Маленькие книжечки с витиеватыми названиями «Ботаника X»

(один из псевдонимов А. Чаянова) представляют собой затейливую смесь серьезного повествования с пародией на массовую беллетристику и откровенной мистификацией. Рамки же чистого научного творчества в силу сложной социально-психологической атмосферы общества того времени требовали выхода за пределы чистой науки. И хотя в романе «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» Чаянов старался быть более серьезным, чем в других романтических повестях «Ботаника X», однако его приколлизм, ерническая струнка и поэтическая натура не смогли удержаться в рамках чистой науки.

Так, персоналии и события, изложенные в его утопическом романе «Путешествия ...» (о котором речь впереди) вдруг воскресли в одной из газет, два экземпляра которой с такими выходными данными «*Зодий. Второе вечернее издание. Орган О. М. С. К. О. Москва. Пятница, 5 сентября 1984 года, 23 часа, №234 bis. Редакция: Дмитровка, 26. Телефоны 17-37 и 5-29-39. Главн. контора: село Крылацкое, Москов. у. Тел. 3-04-23 и 47-56*» хранятся в Государственной библиотеке России, которые отыскал еще в начале 1980-х годов в тогдашней Государственной библиотеке им. В.И. Ленина аспирант-журналист В.В. Нехотин [14]. По его информации это издание, отпечатанное на двух полосах типографским способом, имеет все внешние признаки московских газет начала 1920-х годов. На полосах «Зодия» фигурируют те же имена и события, что и в «Путешествии моего брата ...» А. Чаянова. На основании этого предполагается, что выпуск газеты «Зодий» является одной из мистификаций А.В. Чаянова.

Но среди курьезных публикаций этой газеты в выпуске имеются и две вполне серьезные статьи социологического плана из будущего. Это прежде всего рецензия на книгу некоего А. Великанова «*Развитие крестьянского общественного мнения в XX веке. 5-е изд., дополненное и переработанное. М., 1984. XII+400 стр.*», в котором угадывается личность А. Чаянова, а также некролог, написанный самим А. Великановым «*Памяти великого социолога*» (Памяти Арсения Николаевича Брагина).

Рецензент Т. указывает на значимость социологического анализа личных документальных источников, который применяли русские земские статистики при исследовании условий жизни крестьянских переселенцев из Центральной России в Сибирь: *«для познания эпохи необходимо изучить идеи и взгляды не знаменитых властителей дум, а рядового обывателя, – привела его (т.е. А. Великанова) к связкам обыденных писем, к тетрадям нехитрых дневников»*.

Эта же роль анализа личных документальных источников в социологии отмечена и в некрологе А. Великанова «Памяти великого социолога» – Арсения Николаевича Брагина, в котором, в частности, отмечается: *«Путь к созданию научной социологии лежит, во-первых, через накопление научного опыта в деле изучения частных проблем социальной практики и, во-вторых, через нахождение форм количественного выражения социальных явлений»*. Среди трудов этого великого русского социолога А.Н. Брагина упомянуты: «Скорость социальных процессов и методы их измерения» (М., 1954) и две работы без указания места и даты публикации «Теория создания, поддержания и разрушения репутаций» и многотомная «Теория политического и общественного влияния». По масштабам социологических задумок (многотомные издания), исходных посылок (накопление научного опыта), а также серии публикаций по отдельным персоналиям в этом великом социологе угадывается фигура Питирима Александровича Сорокина, с которым А.В. Чаянов дружил, и с которым (наряду с Н.Д. Кондратьевым) он входил в последний состав Временного правительства России.

Знание социологической проблематики, понимание важности различных социальных проблем общественной жизни позволяет в этих материалах «Зодия», газеты из будущего видеть задание ученых первого 20-тилетия XX века будущим социологам – социологам последнего 20-тилетия XX века по предметному и проблемному исследованию обширных сфер общественной жизни, когда действительно и произошло становление современной социологии.